

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ МЕДИКИ И НАРОДНЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (РОССИЯ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)¹

З.С. ГАТИНА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

e-mail: rzhaya8989@mail.ru

Данная статья посвящена изучению представлений российских ученых медиков о народной медицине в первой половине XIX в. Статья написана на основе комплекса медико-топографических описаний регионов Российской империи, отложившихся в архиве Московского университета (Центральный исторический архив Москвы) и отчасти опубликованных в медицинских изданиях. В статье говорится о сложной системе взаимодействия между научным медицинским знанием, транслятором которого выступали выпускники врачебных отделений, и домашним лечением, основанным на традиционных народных практиках врачевания.

Ключевые слова: Российская империя, Императорский Московский университет, медицинский факультет, медико-топографические описания, народная медицина.

Одним из приоритетных направлений в социальной и культурной истории медицины, тесно переплетающимся с медицинской антропологией, является изучение народного целительства и субъектов этого знания. Медицинский словарь дает следующее определение народной медицине – это «совокупность передаваемых народом из поколения в поколение (в устной и письменной форме) эмпирических знаний и практических методов, применяемых для распознавания, лечения и предотвращения болезней»². К определению понятия «народной медицины» можно подойти с нескольких точек зрения. С одной стороны, ее можно рассматривать как пространство практики лекарей, не имеющих университетского образования, (знахарей и знахарок, костоправов и прочих «шарлатанов»). С другой стороны, это популярная форма знания, разработанная учеными врачами для самолечения. Она возникла как попытка ученых формировать массовые представления о здоровье и нездоровье, или, по крайней мере, влиять на их бытование среди населения.

Изучением различных аспектов народной медицины занимаются как отечественные, так и западные исследователи. Некоторых из них интересует этнографическая сторона проблемы³. Таким авторам важно выявить этническую специфику⁴ описываемого ими объекта. Другие исследователи стремятся теоретически осмыслить категории народной медицины, соотнести это понятие с культурно-историческими контекстами исследуемой эпохи⁵. Составной частью такого подхода является изучение взаимодействия и точек соприкосновения научной медицины и альтернативных ей практик лечения, именуемых народной медициной. В последнее время появились работы, в которых преоблада-

¹ В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «Конструирование традиции: проблема преемственности и разрывов в университетской истории России», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 году.

² Народная медицина. Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_medicine/Narodnaja-medicina-10849.html

³ См., например: Семенов М. Состав народных медицинских знаний кубанских казаков в XIX – начале XX веков // Фольклорно-этнографические исследования этнических культур Краснодарского края. 1995. С. 5-34; Charlotte Furth, Ch'en Shu-yueh. Chinese Medicine and the Anthropology of Menstruation in Contemporary Taiwan // Medical Anthropology Quarterly, New Series, Vol. 6, No. 1 (Mar., 1992), pp. 27-48.

⁴ Власов В.Г. Онтология народной медицины // Человек. 2001. №3. Власов под этноспецифичностью понимает: «направленность каждой народномедицинской системы на врачевание представителей своего, "титального" народа (этноса)».

⁵ См., например: James B. Waldram The Efficacy of Traditional Medicine: Current Theoretical and Methodological Issues // Medical Anthropology Quarterly, New Series, Vol. 14, No. 4, Theme Issue: Ritual Healing in Navajo Society (Dec., 2000), pp. 603-625; David Gentilcore. Was There a «Popular Medicine» in Early Modern Europe? // Folklore, Vol. 115, No. 2 (Aug., 2004), pp. 151-166.

ние народной медицины не только не признается свидетельством культурной отсталости народа, но наоборот, рассматривается как «отражение процесса модернизации в области здравоохранения»⁶. При этом ненаучному медицинскому знанию приписывают такие свойства, как рациональность, долговечность и последовательность⁷.

Подобные воззрения свойственны сторонникам теории медиализации⁸. Долгое время ее сторонники считали конфронтацию между местными лекарями, не имеющими университетской подготовки, и учеными-медиками следствием процесса медиализации в Российской империи⁹. Однако, анализ текстов, написанных российскими врачами в первой половине девятнадцатого столетия, убедил меня в том, что врачи не столько противопоставляли экспертное знание знанию народному, сколько себя – шарлатанам и прославляли прогрессивную роль медицинского образования. В свое время аналогичное наблюдение было сделано на другом источниковом материале историками Германии и Англии М. Линдемманн¹⁰ и Р. Портер¹¹. Они предположили, что между народной медициной и медицинскими теориями были устойчивые каналы взаимодействия и обмена достижениями. Наряду с ученой медициной всегда существовало самолечение и действовали группы населения, за которыми были закреплены разные врачебные функции (повивальные бабки, цирюльники, костоправы, знахари и многие другие).

Не уходя далеко в историю формирования знания о практиках народного врачевания и не останавливаясь на вкладе, внесенном в их изучение Гиппократом, Галеном, Авиценной и другими, я ограничусь 1830-40-ми годами в России. Выбранные для исследования время и место не случайны. Именно тогда, по мнению ряда влиятельных историков медицинского образования¹², произошло становление научной медицины на врачебных факультетах российских университетов. Несмотря на создание школы, сориентированной на западные образцы, народное целительство продолжало существовать и развиваться. Об этом свидетельствовали в своих профессиональных записках университетские выпускники медицинских факультетов, которые на месте службы столкнулись с врачевателями и сообщали о них в рапортах начальству.

Кроме этого, к середине XIX века в России получила распространение новая форма народной медицины - переводные и оригинальные издания по самолечению¹³. Они пред-

⁶ Тиммерман К. Рационализация «народной медицины» в Германии в межвоенный период: вера, бизнес и наука у «Dr. Madaus and Co» // *Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины*. 2008. С. 198.

⁷ Grossmann A. Gender and Rationalization: Questions about the German-American Comparison // *Social Politics*. 1997. Vol. 4. P. 6-18.

⁸ Социологический словарь дает следующее определение термина «медиализация»: Медиализация - процесс, в ходе которого происходит распространение влияния медицины на все новые сферы общественной жизни. Медиализация характеризуется проникновением в массовое сознание медицинского языка и стиля мышления, медицинских концепций и представлений о причинах, формах протекания и лечении болезней, возрастанием зависимости от медицины повседневной жизни и деятельности людей, закреплением медицинских «ярлыков» за некоторыми человеческими свойствами или типами поведения (инвалид, наркоман, алкоголик и т.д.), которые могут способствовать исключению стигматизированных лиц из процесса нормального социального взаимодействия. Термин «медиализация» используется теми критиками современной медицины, которые обращают внимание на усиление в современном обществе социальной власти представителей медицинских профессий, главным образом, власти медицинского знания и компетенции.

⁹ Ramsey M. *Professional and Popular Medicine in France, 1770-1830: The Social World of Medical Practice*. Cambridge, 1988.

¹⁰ Lindemann M. *Health and Healing in Eighteenth Century Germany*. Baltimore, 1996.

¹¹ Портер Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // *Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины*. 2008. С. 41-72; Porter D., Porter R. *Patient's Progress: Doctors and Doctoring in Eighteenth Century England*. Cambridge, 1989.

¹² См., например, работы: Сточик А.М С.Н., Пальцев М.А., Затравкин С.Н. Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. М., 1998; Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М., 1999; Андреев А. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М, 2009; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования России в 4 т.

¹³ Приведу для примера несколько лечебников, хранящихся в отделе старопечатных книг Российской государственной библиотеки: Пекен Х. Домашний лечебник или Простый способ лечения. Сочинен Христианом Пекеном медицины доктором и коллежским советником, ; А по апробации Государственной Медицинской коллегии на русский язык переведен Алексеем Протасовым Императорской Академии наук экстраординарным профессором и доктором медицины / Х. Пекен. Спб., 1765; Чулков М. Д. Сельский лечебник, или Словарь врачевания болезней, бываемых в роде человеческом, также в роде скотском, конском, и птиц домашних: Собранный из печатных сочинений / М. Д. Чулков. М., 1789-1805; Енгальчев П.Н. Простонародный

ставляли собой научно-популярные книжки – «лечебники» и «травники», написанные на опрощенном не научном языке учеными врачами. Такие издания изготавливались в качестве медиумов для диалога с простонародьем, для формирования в нем характерного для западной культуры представления о границах болезни. Специфической для таких изданий является подобная риторика: чтобы «простому народу, а особливо жителям отдаленных провинций, где не всегда врача сыскать можно, подать наставление, каким образом в болезнях своих самому себе помогать; но, что еще полезнее, то есть, чтоб показать при том и способ, как самое здоровье свое сохранять невреждимо»¹⁴.

В данной статье я буду применять термин «народная медицина» в его этническом, а не стилизованном значении. Чуть ли не единственным источником сведений о русских целителях первой половины XIX века и их знаниями является комплекс медико-топографических описаний, сохранившийся в архиве Московского университета и частично опубликованный в профессиональных медицинских изданиях того времени. Каждый такой текст содержит раздел, посвященный народной медицине. Их создателями были гражданские и военные врачи, порой только что закончившие медицинский факультет и отправленные на службу в разные уголки Российской империи. Ведя медицинскую практику и описывая эпидемиологическое состояние вверенных им территорий, уездные и городские врачи рассказывали коллегам и людям власти о встреченных ими знахарях, использованных ими травах и иных средствах врачевания, об отношении к ним местного населения.

Изучая медико-топографические отчеты, я интересовалась тем, что знали ученые врачи о местной медицине, как воспринимали традиционные представления жителей о здоровье и болезни, как использовали их способы защиты жизни. В данной статье на примере медико-топографических отчетов я хочу показать, каким образом проходил процесс заимствования западноевропейского медицинского знания, а на примере отношения уездных лекарей к народной медицине проиллюстрировать, каким образом западное научное медицинское знание преломлялось локальной практикой. Эти преломления фиксировались уездными врачами при описании ими топографического, медицинского устройства отдельных предприятий, районов, городов или регионов. Выпускники медицинских факультетов по европейским руководствам и учебникам обучались в университетах теоретическим основам медицины, то есть комплексу естественнонаучных знаний, а сидя у постели больного, овладевали практикой врачевания. Выйдя из университетов, они поступали на государственную службу, уже имея опыт и практические навыки излечения. Направленные в разные части империи, они познавали местные способы народного врачевания. И тогда на воспринятые западноевропейские теории и знания о способах лечения недугов накладывались опыты локального врачевания, открытие «народных» способов излечения и изготовления лекарств, в результате чего рождалось сложное, многослойное синкретическое знание.

Среди составителей медико-топографических сочинений были как те, кто был поклонником народной мудрости, так и те, кто относился к познаниям знахарей и травников скептически. Лекарь Алексей Орнатский, составивший «Медикотопографическое описание губернского города Владимира», уравнивал способности местных лекарей и по-

лечебник, содержащий в себе пользование разных часто приключаются болезней домашними лекарствами без помощи лекаря, и важнейшия наставления о предупреждении оных и хранении своего здравия / П.Н. Енгальчев. М., 1799; Лоевский Ф.М. Полный, настоящий простонародный, российской лечебник / Ф.М. Лоевский. М., 1818; Килиан К.И. Домашний лечебник, или Обстоятельное и ясное показание как во всех опасных, скоропостижных и хронических, как наружных, так и внутренних болезнях при отсутствии врача, можно подать нужную помощь посредством одних домашних средств и диеты; сверх того, как поступать касательно предупреждения болезней и хранения своего здравия. Ручная книга для всякаго, а наиболее для помещиков, живущих в деревнях и путешествующих. К.И. Килияна. Доктора медицины и профессора. Перевод с немецкаго С.П.Б. Императорской медико-хирургической академии студента Петра Бутковского / К.И. Килиан. Спб., 1823.

¹⁴ Пекен Х. Домашний лечебник или Простый способ лечения. Спб., 1765.

следователей Гиппократ¹⁵. Исходя из этого, он подробно описал лекарственные растения Владимира, их свойства, случаи их применения и болезни, при которых они необходимы: «при перемежающейся лихорадке, простудном кашле и других страданиях груди, против задержания месячных очищений, в золотухе, против цынги, чесотки, лишаев снаружи, ожогов, озноблений, нарывов, при ранах и для остановления из оных кровотечения, при язвах и лихорадочных текстах»¹⁶.

Вполне терпимо к местным способам избавляться от болезней относился и Раевский, называя их «простыми врачебными средствами, употребляемыми жителями в разных болезнях с видимою пользою»¹⁷.

Дистанция в идейных основаниях местных врачей и научных медиков противоречиво трактовалась авторами медико-топографических описаний. Шуйский уездный врач Косма Смирнов рассуждал о пользе и вреде народной медицины для жителей города и его уезда. Противопоставляя врачебное вмешательство «силам природы», он, с одной стороны, одобрял веру местных жителей в «целительную силу многих растений и безызвестных им некоторых веществ из царств ископаемого и животного, коими пользуются они при болезненных случаях»¹⁸. С другой стороны, он же предостерегал власти от доверия местным травникам и не одобрял самолечения, демонстрировал преимущество ученой медицины. Так, он с сожалением констатировал, что «болезнь эта¹⁹ жителями того края лечится довольно грубо, простонародно, или же совсем не преследуется врачебными средствами, потому исходы ее часто бывают очень худы...»²⁰. Болезнь оканчивалась смертью для больного в том случае, «ежели он не имел возможности заблаговременно прибегнуть к врачебным пособиям и представлял болезнь силам природы»²¹. Уездный врач подтверждал преимущество университетского образования статистикой: «Умиравших в больницах бывает ежегодно 10 ти более человек. Но в частных домах, без пособий врачебных, от различных болезней, умирает до 2400 человек...»²².

Внутренняя цифра умирающих на дому противоречит свидетельству того же автора о том, что «здесь жители в болезненных случаях охотно прибегают к врачебным пособиям». Мне представляется, что подобные проговорки показывают противоречивость отношения Смирнова к не-ученым способам лечения, явному желанию автора утверждать приоритет системного и объективированного знания.

Судя по анализируемым описаниям, ученые медики прибегали к средствам и способам народного лечения только в тех случаях, когда все иные средства были уже перепробованы. Лекарь Василий Марков, описывая случай «возвращения к жизни утопающей посредством прикладывания разрезанного горячего хлеба»²³, демонстрировал борьбу двух типов медицины: университетской и народной. Сначала он использовал методы, которым обучался в университете: «Очистивши нос и рот, предварительно слегка подавил я живот, но ничего не выходило, начал вдуть сначала ртом, потом трубкой воздух, употребил в дело ланцет; но ни видал ни капли крови; за тем легкое качание, трение частей и проч. все было тщетно». Не получив положительного результата, уездный лекарь был вынужден обратиться к народным средствам: «И уже отчаявшись помочь, взошел я в избу умыть руки, между тем погребальный голос матери, вой, усердные мольбы всех родственников вторились и сливались в одно трогательное эхо: Батюшка спаси, будь отец родной нельзя ли? Кто в подобныя минуты не отдал бы часть своей жизни для спасения другого. На столе я увидал

¹⁵ Центральный исторический архив Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 350. Д. 17. Медико-топографическое описание Губ. Гор. Владимира, составленное, для получения Штаб лекарского звания, состоящим при Заведениях Владимирского Приказа Общественнаго Призрения Лекарем Алексеем Орнатсим. Л. 26 об.

¹⁶ Там же. Л. 27.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 351. Д. 116. Медико-топографическое описание Бобровского уезда Воронежской губернии в 1842 г., написанное лекарем Раевским. 16 сентя-14 окт. 1844.

¹⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 352. Д. 96. О рассмотрении сочинения «Медико-топографическое описание города Шуи и его уезда, представленным лекарем Смирновым А. 26 июня-5 декабря 1842. Л. 29 об.

¹⁹ Речь идет о перемежающейся лихорадке.

²⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 352. Д. 96. О рассмотрении сочинения «Медико-топографическое описание города Шуи и его уезда, представленным лекарем Смирновым А. 26 июня-5 декабря 1842. Л.26.

²¹ Там же. Л. 28.

²² Там же. Л. 29 об.

²³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 45. «Медико-топографическое описание Саткинского завода, составленное лекарем Василием Марковым. 20 марта 1842. Л. 38.

только, что вынутый из печки ржаной хлеб, с какой-то непонятной надеждой схватил я его, разрезал и обложил им грудь и живот, а между тем принесли еще три караваев горячих, разрезавши их я снова клал на живот, грудь и спину, конечности же все были завалены золой; минут через восемь от первого приложения горячего караваев, вдруг грудь приподнялась, из носу пошла кровь, в то же время брызнула и из руки»²⁴.

Верхнеднепровский уездный врач Андрей Зосимович ввел в «Топографическое и медико-статистическое описание Верхнеднепровского уезда» раздел «Просто-народная медицина». Автор связал возникновение народной медицины со счастливым случаем для человека, «который наводил его на употребление полезного для него средства, к излечению какой-либо болезни»²⁵.

Зосимович противопоставляет медицине рациональной медицину «эмпирическую-простонародную» и утверждает их преемственность. Народная медицина виделась архаичной стадией развития: «Бросим взгляд наш и ныне на какой-нибудь дикий и грубый необразованный народ, следы эмпирической медицины найдем и у них. Самые животные инстинктуально, часто себя лечат»²⁶. В просвещенном государстве, согласно Зосимовичу, как можно догадаться, нет места народной медицине.

Знахарей он называет простонародными врачами («Эскулапами»). Несмотря на предвзятое отношение к ним, лекарь, тем не менее, подробно описал «средства, употребляемые ими в разных болезнях»²⁷, классифицируя их и делая свое повествование структурированным и легким для понимания.

Если университетски подготовленные специалисты еще могли примириться с использованием традиционных для данной местности способов врачевания, то с методами изгнания болезней посредством религиозных практик они не соглашались ни при каких обстоятельствах: «Многие болезни лечатся нашептыванием и наговорами, ношением разных амулетов, заговорами и многими другими способами, в тайне содержимы, по понятию их дабы чрез объявление их не лишиться им самим силы действовать благотворно, но вероятно более из видов корысти»²⁸. Все эти ритуальные практики оценивались как предрассудки и свидетельства цивилизационного отставания.

Для раскрытия данной темы важно выяснить критерии, которыми руководствовались авторы медико-топографических описаний в оценке эффективности лечения. Кто или что выступало мерилем истинности разного типа знания? Имеющийся у меня источниковый материал не позволяет дать на него однозначный ответ. Врачи знали о недоверии населения к методам ученой медицины и о том, что простолюдины, «которые, не доверяя иногда аптечным лекарствам, ищут пособия у известных им старух-знахарок, коих способ лечения состоит в шептаньях и других суеверных средствах»²⁹. Но не мнение пациентов было для них критерием оценки. Часть авторов готовы были признать за местными лекарями искусство врачевать, но не знание. Еще больше было тех, кто отрицал любую способность травников и врачевателей исцелять и называл их шарлатанами.

Анализ содержания текстов медико-топографических описаний показал, что медикам была присуща двойственность отношения постоянного обращения населения к ненаучным способам лечения. С одной стороны, народ предстает «легковерным и простодушным»³⁰, когда речь идет о его доверчивости, слабости, заставляющей поверить гадалкам, колдунам и шарлатанам или «старухам, называемым знахарками»³¹. В таком случае авторы медико-топографических отчетов стараются оправдать обманутых жителей, глав-

²⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 45. «Медико-топографическое описание Саткинского завода, составленное лекарем Василием Марковым. 20 марта 1842. Л. 38 об.-39.

²⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 352 Д. 79. О рассмотрении сочинения «Топографическое и медико-статистическое описание Верхнеднепровского уезда», написанное лекарем Зосимовичем. 7 мая-2 июня 1845. Л.32.

²⁶ Там же. Л. 32 об.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 35.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 352. Д. 63. О рассмотрении сочинения «Медико-топографическое описание Шотинского порохового завода», написанное лекарем Кончиоти. 25 апреля-2 июня 1844. Л. 44 об.

³⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 150. «Медико-топографическое описание округа ниже-тагильских заводов, составлено лекарем Шмолиным». 1843. Л. 33.

³¹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 348. Д. 86. Медико-топографическое описание города Переяславля, составленное титулярным советником Бером. 7 апреля 1841. Л. 16 об.

ной причиной затуманивания разума называя при этом «малообразованность» населения: «Сверх сего весьма много есть и нелепых средств, ни с чем несообразных, которые по неведению или предубеждению, употребляются, и вместо пользы часто приносят им вред»³². Грубость, незнание, невежество, «слабое развитие умственных способностей», необразованность, желание скорейшего облегчения, «малое образование среднего и низшего классов народа и ложное понятие о физических самых простых явлениях в мире»³³, свойственные местным жителям, в особенности женщинам как отмечает лекарь Раевский³⁴, становится причиной их частого обращения к обманщикам. Те же, в свою очередь, советуют «сильнодействующие средства и ядовитые»³⁵, вредные для здоровья. От некачественной помощи погибают роженицы, детей которых, желая ускорить родовспоможение, вытягивают за пуповины. Старухи купают только что родивших «пациенток» сразу после родов в корытах, заставляют их работать в доме и во дворе даже в зимнее время.

С другой стороны, когда лекари пишут об удивительных случаях излечения средствами народной медицины, народ предстает носителем сложного комплекса знаний и умений, которые черпаются из самой природы.

Ставя в один ряд такие понятия, как «предрассудок», «фанатизм» и «слепая вера», врачи признают, что не всегда следование предубеждениям вредит здоровью, в отличие от шарлатанства, которое однозначно трактуется медиками как проявление «темных действий». Иногда суеверия могут приносить пользу. Так, рабочим нижнетагильских заводов, как признается лекарь Шмолин, свойственно производить посев семян и уборку урожая в определенное время, «которого они с торжеством дожидаются»³⁶. Это поверье оберегает их от многих болезней: «незрелые овощи не употребляются в пищу и оттого люди менее подвергаются болезням»³⁷.

Народная медицина в глазах ученых медиков предстает, прежде всего, домашней разновидностью медицины, или как они сами называют ее «домашним лечением». И если следование предрассудкам и недоверие к врачам и больницам приводит к домашнему врачеванию, то длительное и принудительное лечение с привлечением «самых деятельных и приличных»³⁸ медицинских пособий становится следствием готовности сотрудничества с профессионалами-лекарями. Лишь госпиталь выступает гарантом правильного содержания больного с использованием проверенных медицинских средств и пособий.

Из всего вышесказанного следует, что отношение выпускников врачебных факультетов к применению народных средств, таких как травы, растений, продуктов жизнедеятельности представителей царства животных, бань, ванн во второй четверти XIX века было неоднозначным. При составлении медико-топографических сочинений они собирали сведения о них, описывали те средства, целительную силу которых могли гарантировать, заверяя длительным наблюдением типа «в пользе этого последнего, я сам имел случай убедиться»³⁹. Ученых врачей привлекало разнообразие местной природы, дешевизна использования ее ресурсов. Человек живет и развивается в условиях определенного климата, соответственно, он «и в недугах своих может находить для себя в окружающей его природе, все способы и средства к своему облегчению и врачеванию»⁴⁰. Зачем покупать дорогостоящие иностранные лекарства, когда Российская империя, обладающая огромным природно-климатическим потенциалом, может обеспечить страждущее население всем необходимым? Видимо, подобные мысли казались государственным вра-

³² ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 348. Д. 86. Медико-топографическое описание города Переяславля, составленное титулярным советником Бером. 7 апреля 1841. Л. 17 об.

³³ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 150. «Медико-топографическое описание округа нижне-тагильских заводов, составлено лекарем Шмолиным». 1843. Л. 33.

³⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 351. Д. 116. Медико-топографическое описание Бобровского уезда Воронежской губернии в 1842 г., написанное лекарем Раевским. 16 сентября-14 окт. 1844. Л. 14-14 об.

³⁵ Там же. Л. 14.

³⁶ Нижнетагильские заводы. Л. 33.

³⁷ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 150. «Медико-топографическое описание округа нижне-тагильских заводов, составлено лекарем Шмолиным». 1843. Л. 33.

³⁸ Там же. Л. 33 об.

³⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 352. Д. 63. О рассмотрении сочинения «Медико-топографическое описание Шотинского порохового завода», написанное лекарем Кончиоти. 25 апреля-2 июня 1844. Л. 45.

⁴⁰ Там же. Л. 50.

чам столь привлекательными, что они не только мирились с существованием альтернативных способов лечения, но порой, проверяя эффективность их целебного действия на собственном опыте, рекомендовали к применению. Под пером ученых врачей «фольклорное» и «экзотичное» знание, обретя экспертное одобрение и научное описание, встраивалось в нормативное.

UNIVERSITY TRAINED PHYSICIANS AND FOLK HEALERS: THE PROBLEM OF INTERACTION (RUSSIA, THE FIRST HALF OF 19th CENTURY)

Z.S. GATINA

*National research university
«Higher school of economics»,
Moscow*

e-mail: rzhaya8989@mail.ru

This article focuses on the study of the Russian scientific physicians' representations of popular medicine in the first half of the 19th century. Article is based on a complex of medico-topographical descriptions of Russian cities and regions. These documents are stored among archival documents of the Moscow University (Central Historical Archive of Moscow) and partly published in medical journals. This article analyses difficult system of interaction between the scientific medical knowledge from graduates of the medical faculties and the house treatment based on alternative treatment approaches.

Key words: Russian Empire, Imperial Moscow University, medical faculty, medico-topographical descriptions, illness, popular medicine.